

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон
Карр

ЗА КРАСНЫМИ
СТАВНЯМИ

АЗБУКА

Расследование ведет Генри Мерривейл

Джон Диксон Карр
За красными ставнями
Серия «Классика
детектива. Большие книги»
Серия «Сэр Генри
Мерривейл», книга 21

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74681091

За красными ставнями. романы: Азбука, Издательство АЗБУКА;

СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34709-0

Аннотация

В романе «За красными ставнями» действие разворачивается в Танжере, куда Г. М. приезжает инкогнито в надежде отдохнуть. Однако его планы быстро рушатся: ему предстоит вступить в поединок с загадочным Железным Сундуком – неуловимым преступником, замыслившим похищение знаменитых алмазов султана.

Роман печатается в новом переводе!

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джон Диксон Карр

За красными ставнями

John Dickson Carr

BEHIND THE CRIMSON BLIND

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1952

Published by arrangement with David Higham Associates
Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Самолет, вылетевший из Лиссабона в 9:30, прибывал в Танжер по расписанию и уже через два часа пошел на снижение, описывая над аэропортом широкие круги. Лица большинства пассажиров, приникших к иллюминаторам воздушного суденышка, выражали недоумение и досаду.

Был первый день апреля, и они ожидали увидеть Танжер, город-лотос, в котором можно делать все, что вам заблагорассудится, нежась под горячим солнцем, отражающимся от белых домов и голубой глади Средиземного моря, где мыс Спартель обозначает самую северную точку Африки. К сожалению, погода выдалась такая же холодная и хмурая, какой она могла бы быть в Лондоне или Нью-Йорке. Самолет продирался сквозь растрепанные клочья тумана, и в просветах пассажирам удавалось разглядеть лишь блекло-зеленые кусочки суши.

«Боже!» – простонала про себя мисс Морин Холмс.

Меховое манто на этой стройной темноволосой американке оказалось по чистой случайности. Сама не понимая почему, оставить его в Нью-Йорке она не смогла. А ведь на летнюю, годную разве что для тропиков одежду, с грустью подумала мисс Холмс, потрачено почти столько же, сколько на все путешествие.

Внезапно, словно ниоткуда, к ней обратился голос, об-

ладатель которого, похоже, воображал, что говорит приглушенным шепотом.

– Тсс! – прошипел голос. – Эй!

Спинки кресел в салоне были высокие, а табло с электрической подсветкой на двух языках над дверью в кабину пилота призывало пристегнуть ремни, однако солидный тучный джентльмен, телосложением напоминающий бочку, этой просьбой пренебрег.

Каким-то замысловатым образом ему удалось развернуться и встать коленями на сиденье, так что теперь Морин видела перед собой его крупное лицо с тяжелым квадратным подбородком, блестящую от пота лысину и очки в роговой оправе, съехавшие на кончик широкого носа. При этом его взгляд был таким злобным, что девушка отшатнулась бы в ужасе, если бы не узнала его.

– А теперь, милочка, послушайте меня, – продолжил он, обращаясь к ней, как ему, вероятно, представлялось, с безукоризненной светской вежливостью. – Мне нужно кое-что объяснить. Строго между нами... ш-ш-ш... мое имя...

Морин знала его имя. Ее зеленые глаза, длинные черные ресницы и широкий рот, пожалуй чересчур выделявшийся на бледном лице, выражали не только некоторое беспокойство, но и тайное восхищение. С той самой минуты, когда лайнер компании «Транс уорлд эйрлайнз» вылетел из Нью-Йорка в Лиссабон, Морин лелеяла слабую надежду, что старый нечестивец заговорит с ней.

– Вы тот старик... – простодушно сказала она. – Вы сэр Генри Мерривейл.

– Ну... что ж... – пробормотал Г. М. с ноткой самодовольства. – Ш-ш-ш! – тут же добавил он с жуткой гримасой, которая парализовала бы и спецназовца.

Бесцеремонное поведение Г. М., сердито взирающего на нее поверх спинки кресла, пришлось Морин не по вкусу. Дома, на работе, она отличалась собранностью и деловитостью, оставаясь при этом женственной, но здесь, за границей, несколько ослабила самоконтроль, и ее истинная натура тут же вышла наружу.

– Вы ужасны! – выпалила Морин.

– Ужасен? Как это понимать? – возопил Г. М.

Его могучий голос перекрыл гул моторов плавно снижающегося в тумане самолета, и заметно нервничавшие пассажиры привстали, оглядываясь и крутя головами. Подошедший к Г. М. стюард-португалец указал на ломаном английском, что нужно пристегнуть ремень. Г. М. вручил ему десятифунтовую купюру и велел сматывать удочки, что стюард и сделал.

Морин Холмс, уже пожалевшая о своей несдержанности, попыталась объяснить:

– Я имела в виду, что так вас представляют газеты. По приезде в Нью-Йорк вы устроили беспорядки в метро. В деле Мэннинга, как утверждают некоторые, вы... э-э...

– Подтасовал улики, да?

– Если слово «подтасовал» подходит для того, что вы сделали, то да. Полиция гонялась за вами в Вашингтоне, Балтиморе, Филадельфии и я уж не знаю где еще! В том числе и в том городке, возле Чарльстона, где вы убедили шефа полиции арестовать мэра.

– Перестаньте, дорогуша! – Г. М. махнул рукой, отмечая эти обвинения как мелкие неприятности. Его удивило, что кого-то еще беспокоит такая ерунда.

– В ваш последний приезд в Нью-Йорк, – продолжала Морин, – в «Метрополитен-музее» тоже случились беспорядки, и еще там кого-то убили. – Она взглянула на него из-под ресниц. – Конечно, лейтенант-детектив из отдела убийств раскрыл это дело...

– Угу, – хмыкнул Г. М., закатывая невинные глаза. – Конечно. Несомненно.

– Комиссар полиции устроил в вашу честь большой банкет, и все было замечательно. Все думали, что вы возвращаетесь в Англию, но никак не в Танжер, а вы улизнули тайком и...

Морин остановилась. Опустив голову, так что ее гладкие черные волосы упали на красивое бледное лицо, она нерешительно постучала пальцами по сумочке.

– Конечно, это не мое дело, – мягко добавила она, поднимая свои зеленые глаза, – но вы не возражаете, если я скажу, почему все это было мне в некотором смысле неприятно?

– Господи, конечно же нет!

– Даже если закрыть глаза на ваше недостойное поведение, а ведь вы английский аристократ...

У Г. М. отвисла челюсть.

– Недостойное поведение? *Мое?*

– Кроме того, – упрямо продолжала Морин, – были еще женщины. Эти ужасные женщины! Извините. Да еще в вашем возрасте...

Г. М. побагровел.

– Я абсолютно невиновен! – с чувством и, надо признать, немалой долей искренности воскликнул он. – Это все газетчики, клянусь вам! Пишут обо мне всякую чушь, потому что знают: я скандалить не буду. Гори все огнем! Стоит заговорить с хорошенькой девушкой, как они уже тут как тут со своими камерами! Они бы написали, что я вожу шашни со статуей Свободы, если бы рассчитывали заставить кого-то проглотить этот бред.

– Так все это неправда?

– Меня неправильно понимают, – вздохнул Г. М., и на его лице проступило скорбное выражение человека, нуждающегося в защите в этом порочном мире. – Правда! Я самый непонятый, самый чистосердечный человек из всех, что когда-либо ступали по земле. Являю собой образец благородства и скромности, никого не беспокою, а они клеветают на меня и оскорбляют. Посмотрите на меня, дорогуша. Взгляните на эту физиономию! Да, вы можете называть меня «папашей» – в Америке почти все так и делали, но разве я по-

хож на старого прощелыгу?

Вопреки дурному настроению, в сердце Морин Холмс звякнул веселый звоночек. Но выражение ее лица оставалось сочувственно-серьезным.

– Нет, сэр Генри. Не похожи.

– Хорошо! – сказал Г. М. совсем другим тоном. – Мы вот-вот приземлимся, – его тяжелая рука вынырнула из-за спинки кресла, и указательный палец едва не уткнулся в нос обескураженной Морин, – и вы ответите мне на несколько довольно интимных вопросов. Понятно?

– Хорошо! Я...

– Как вас зовут, милочка?

Морин назвалась.

– Вы в Танжер по делам или отдохнуть?

– У меня отпуск. Две недели свободы плюс время на перелет туда и обратно.

– Где вы работаете? Если работаете...

– Я – рецепционистка в «Джонс, Говард и Рамсботэм». Это крупная юридическая фирма на Пятой авеню, дом триста восемьдесят шесть.

– Где вы собираетесь остановиться в Танжере?

Морин криво улыбнулась, и на щеках у нее проступил румянец, отчего ее личико стало еще милее.

– В отеле «Минза», – ответила она. – Мне сказали, что это лучший отель в Танжере. Но вообще-то, я не могу себе этого позволить. Я просто... просто... – Она сокрушенно развела

руками и снова улыбнулась.

– Ха, все лучше и лучше, – заявил Г. М. – Я тоже забронировал там номер. А теперь скажите мне. Эта юридическая фирма... «Плюшботтом» или как там ее... сколько они вам платят, скажем, в неделю?

Румянец на щеках Морин сгустился, но она все же ответила.

– Ага. – Г. М. снова ткнул указательным пальцем ей в нос. – Тогда вот что я сделаю. Я утрою вашу зарплату и добавлю две сотни в качестве бонуса, если вы притворитесь – только притворитесь – на две недели моей секретаршей.

Морин молча уставилась на него. Шум двигателей почти стих, и пассажиры, всматриваясь в затуманенные иллюминаторы, негромко переговаривались. Не дождавшись ответа, Г. М. застонал.

– О боже ты мой! – воскликнул он и хлопнул себя ладонью по голове. – Нет! Это не то, о чем вы подумали. Я не мерзкий старикашка и не подкатываю к вам с грязным предложением. Я готов это доказать! – Его лицо снова приняло скорбное выражение. – Я самый непонятый, самый...

– Ничего такого я и не думаю! – запротестовала Морин. – Честное слово!

– Тогда...

– Я не понимаю. Почему вы хотите, чтобы я притворилась вашей секретаршей?

– Ш-ш-ш! – прошипел Г. М., заговорщицки оглядываясь

по сторонам. – Никто не знает, что я в Танжере. Ни одна живая душа! За исключением британского консульства: меня будет встречать парень по имени Бентли – он от них, но они будут держать язык за зубами. Более того, никто не узнает, что я здесь. Буду сидеть в шезлонге в темных очках, бездельничать и приходить в себя после отпуска в Америке.

– Но...

– Вы здесь говорили о копах, – Г. М. горько усмехнулся, – которые гнались за мной практически от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Наверно, думаете, что я хорошо проводил там время? Как бы не так. Почему? Да потому, что сначала те же копы втянули меня в одно дело, чтобы я помог им, а потом – гори все огнем! – им не понравилось, что я немного поиграл с уликами.

Тут Г. М. подался вперед из-за спинки кресла, так что даже очки его как будто сделались больше.

– «И что же это за дело?» – спросите вы, и я вам скажу. Одно из тех, которые классифицируют как невозможное преступление. Вот что!

– Но... – Морин заколебалась, – разве это не ваша специальность?

На лице Г. М. появилось горестное выражение, что бывает на лице ступившего на путь трезвости пьяницы, который видит перед собой откупоренную бутылку благородного виски, и никого нет поблизости.

– Я ничего не могу с собой поделать, – жалобно сказал

он. – Предположим, я услышу о парне, которого застрелили в запертой комнате или задушили на песке у моря, где не осталось никаких следов, кроме его собственных... Ох, милочка! Меня как будто охватывает пламя любопытства. Оно не дает мне покоя, и я не могу уснуть, пока не объясню, как это случилось.

– Да. И?..

– Это пламя, оно пожирает меня, вот и все. В Лондоне живет змея по имени Мастерс. Я не мог понять, почему он съехал с катушек, но теперь понимаю. – В голосе Г. М. снова зазвучали пафосные нотки. – Что бы они ни думали, я – старик. Терпеть не могу всю эту ерунду. Если кто-нибудь скажет мне «это невозможно», я ударю его по голове сифоном с содовой. В Танжере я ничего подобного не ожидаю, но мне нужна полная уверенность, что меня ни во что не втянут. Вот для чего вы мне и нужны.

– Нужна для чего?

– Послушайте, – настойчиво продолжал Г. М., – нам даже необязательно находиться рядом. Когда будете выходить из отеля, просто оставьте записку, что ушли со мной, но не знаете, куда мы идем и когда вернемся. Если я буду в отеле одновременно с вами, вы отвечаете на телефонные звонки. Говорите, что я упился до потери сознания или что у меня какая-то ужасная инфекция... В общем, что-нибудь в таком духе. Я совершенно серьезен. Ну как, согласны?

Морин прикусила нижнюю губу. Взгляд ее прошелся по

салону, обходя Г. М. Она откинула меховое манто, открыв стройную, гибкую фигуру в темно-зеленом платье с металлическими пуговицами.

– Сэр Генри, – жалобно произнесла она, – я не могу.

Шасси с мягким стуком коснулись взлетно-посадочной полосы, самолет подпрыгнул и выровнялся. Стюард на португальском языке попросил всех оставаться на своих местах. Снова зарокотали двигатели: самолет совершал какой-то сложный маневр, разворачиваясь, чтобы дверца самолета, расположенная по левому борту, была обращена к зданию аэровокзала.

Поддавшись романтическому порыву, Морин протянула руку и коснулась спинки кресла под головой Г. М.

– Мне ужасно жаль, но я не могу! – почти с мольбой произнесла она и, поколебавшись, добавила: – Понимаете, я так рассчитывала на эти две недели. Полная свобода... Ну, вы сами только что сказали... Когда тебя никто не может достать, как бы ни старался. Когда можешь показать язык звонившему телефону. Когда ни за что и ни перед кем не несешь ответственности...

Морин глубоко вздохнула.

– Это чудесно! – добавила она низким приятным голосом. – Если бы вы годами работали в офисе, постоянно твердя себе: мне нужно запомнить это, мне нужно запомнить то, и дошли бы до точки, когда хочется просто закричать, вот тогда, я думаю, вы бы меня поняли.

В наступившем молчании Морин опустила глаза.

А потом с удивлением обнаружила, что трубный голос Г. М. может быть таким мягким.

– И мне жаль, дорогуша, – сказал он, уставившись в пол. – Это я должен извиниться. – Он растерянно поскреб голову, словно по старой привычке хотел пригладить волосы, которых там давно уже не было. – Возможно, старик понимает гораздо больше, чем вы думаете. Но вы ведь сохраните мой секрет, не так ли?

– Конечно сохраню, – выдохнула Морин. – Все секреты! Хотя...

– Ш-ш-ш! Хотя что?

– Если мы остановимся в одном отеле, то обязательно встретимся. Вы, должно быть, забронировали номер под вымышленным именем. Как мне вас называть?

– Герберт Моррисон, – тут же ответил Г. М. – Только не делайте такое забавное лицо, как будто вы уже слышали это имя раньше! Инициалы те же самые, верно? Я старый добрый Герби Моррисон. Тсс!

Издав металлический звук, самолет резко остановился. Расстегнув ремни и громко переговариваясь по меньшей мере на пяти языках, пассажиры заторопились к выходу. Поскольку Г. М. и Морин занимали два передних места по правому борту, они никуда не спешили.

Грузно поднявшись, Г. М. нахлобучил на голову шляпу с яркой лентой и загнутыми книзу полями. Его легкий полот-

няный костюм дополнял один из тех отвратительных, распи-
санных вручную галстуков, которые повергли бы в ужас лон-
донскую Риджент-стрит.

– Сэр Генри, – нерешительно предложила Морин, – мо-
жет, вы пойдете первым? Я имею в виду, что вам придет-
ся двигаться боком по проходу к двери и так будет гораздо
удобнее.

При всей своей подозрительности Г. М. не смог уловить
в этих словах ни малейшего оскорбительного намека на его
внушительный живот.

– Умница! – согласился он и, повернувшись боком, дви-
нулся вперед, держа руки над головой, словно танцор бале-
та. – Черт возьми, как же приятно оказаться там, где тебя
никто не знает!

– Сэр Генри...

– Пожалуйста, зовите меня мистер Герберт Моррисон или
Папочка.

– Я не могу вас так называть! – возразила шокированная
этим предложением Морин. – И кстати, что это за шум там,
за дверью?

Разглядеть что-то за запотевшими окнами было почти
невозможно. Но туман снаружи рассеялся. Построенный на
немалом удалении от города, в горной местности, аэропорт
Танжера продувался ветром.

Крики и проклятия раздавались у подъехавшего к откры-
той двери трапа. Всех пассажиров, торопливо спускавшихся

по трапу, тут же отводили в сторону, и они выстраивались в ряд у самолета, будто здесь их должны были расстрелять.

– Ничего страшного, милочка, – презрительно фыркнул Г. М. – Когда испанцы, португальцы или арабы начинают орать друг на друга, а ты не знаешь и десятка слов, то может показаться, что вот сейчас случится убийство, хотя на самом деле спор идет из-за одной песеты в счете. Ш-ш! Понимаете...

Вручив чаевые стюарду, который склонился так низко, что едва не упал, Г. М. торопливо спустился на три ступеньки вниз по трапу и лишь затем поднял голову. Впереди, примерно в сорока футах, тянулось длинное приземистое здание аэровокзала с несколькими стеклянными дверями.

А потом в поле зрения Г. М. попало то, что находилось непосредственно перед ним. Шея его раздулась, а глаза за большими стеклами очков выпучились. Он наверняка упал бы, если бы крепко не ухватился за поручни.

– Боже мой! – прошептал он.

Глава вторая

И в кои-то веки призыв Г. М. к состраданию был не лишен оснований. Взрывом приветственных возгласов, вырвавшихся, казалось, из тысяч луженых североафриканских глоток, ему едва не снесло панаму, но не это привлекло его внимание. Первым, на чем остановился затуманенный взор, были два красных шелковых каната, пропущенных через кольца на металлических столбиках, расположенных с интервалом около десяти футов, тянущихся от подножия трапа к центральному входу в здание аэровокзала и образующих широкий, разделяющий толпу проход.

Все еще затуманенный, взгляд Г. М. переместился вверх.

Над центральной дверью красовались три огромных обращения, созданных из сплетенных тропических цветов и пламенеющих на фоне унылых бурых холмов. Написанные на трех разных языках, они располагались одно над другим таким образом:

Salud y Pesetas y Cosas Nuevas a SIR HENRY MERRIVALE!

Vive le Vieux Bonhomme, SIR HENRY MERRIVALE!

Salamun aleykum, SIR HENRY MERRIVALE!¹

¹ Здоровья, денег и новых дел сэру Генри Мерривейлу! (*исп.*) // Да здравствует старина сэр Генри Мерривейл! (*фр.*) // Приветствуем сэра Генри Мерривейла! (*араб.*)

Последнее было написано на арабском, воспроизведением которого мы решили не мучить наборщиков. Но это было еще не все. За правым красным канатом застыли, не смея и глазом моргнуть, человек двадцать музыкантов с преимущественно медными инструментами. Даже заезжий гость догадался бы, что оркестр состоит из танжерских полицейских. Над смуглыми лицами белели белые, похожие на американские каски. Форменные рубашки и шорты были цвета светлого хаки, грудь со свисающим с шеи свистком пересекала белая перевязь, спускающаяся к белому ремню с подвешенной к нему дубинкой. Скованные железной дисциплиной, они будто ждали условного сигнала.

И в нужный момент оркестр грянул, подобно артиллерии, приветствуя сэра Генри. Зазвучал гимн «Боже, храни короля».

Гражданская часть публики за красным канатом по другую сторону прохода разразилась такими бурными аплодисментами, что по громкости они почти сравнялись с музыкальным приветствием.

Морин Холмс, стоявшая на ступеньке позади Г. М., наклонилась и робко прошептала ему на ухо:

– Сэр Генри, боюсь, кто-то узнал, что вы здесь.

– Ну что ж... – проворчал Г. М., очевидно не зная, как к этому отнестись, и тут же, оживившись, добавил: – Эй, милочка, посмотрите-ка туда!

Это была кульминация торжественного приема, le moment

suprême.

У центрального входа в аэропорт стояли два арабских мальчика лет девяти-десяти в курточках и штанах подозрительно белого цвета. На обоих были красные тарбуши с кисточками, которые в наши дни означают только то, что их владелец – мусульманин. Оба склонились по обе стороны предмета, похожего на широкий, свернутый в рулон красный ковер.

Перекинувшись парой слов, мальчишки проворно, как обезьянки, устремились вперед. Красная ковровая дорожка быстро расстилалась в направлении трапа.

– Хм! – прокомментировал Г. М. со странной ноткой в голосе.

– Красная дорожка – для вас! – воскликнула Морин. – Ну разве не чудесно?

– Ничего особенного. – Г. М. небрежно махнул рукой. – Я на такие вещи внимания не обращаю, если вы об этом. – Он остановился, сложил ладони рупором и поднес ко рту.

– Эй! – Если учесть, что оркестр при повторном исполнении «Боже, храни короля» заиграл еще громче, а публика шумела так, как могут шуметь только в Танжере, было бы удивительно, если бы его слышали. Тем не менее у него получилось.

– Эй! – снова проревел он.

Красная дорожка на мгновение остановилась. Два смуглых настороженных личика обратились к нему из-под фесок.

– Вы слишком забираете вправо, – указал Г. М., дополняя слова жестами. – Еще чуть-чуть, и он окажется под хвостом самолета. Сдвиньте влево, вот сюда, чтобы я мог сойти на него!

В стране, где одно предложение может содержать слова из пяти языков, добиться понимания нетрудно с помощью пояснительных жестов. Мальчишки-арабы ухмыльнулись, сверкнули белками глаз и кивнули. Дорожка прокатилась к трапу и замерла, а мальчишки, словно получив тайный сигнал, исчезли.

– Хм! – повторил сэр Генри Мерривейл и небрежным жестом фокусника, передающего использованный реквизит ассистентке, протянул шляпу Морин.

Оставшиеся ступеньки он преодолел с величавым достоинством, хотя и слегка покачиваясь. Затем, приложив руку к сердцу, гость поклонился направо и налево так низко, как только позволяли ему внушительные габариты.

– Muchas gracias, – поблагодарил сэр Генри. – Je vous remercie. Naharak sai'd. Благодарю вас, члены Консервативной партии.

Восторженный гул толпы заглушил бы, наверное, и стрельбу зениток, защищавших Лондон во времена «Блица»² десять лет назад.

Морин, чувствуя себя неловко из-за того, что держит шля-

² «Блиц» – бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года. – *Здесь и далее примеч. перев.*

пу Г. М., спустилась по трапу следом и встала у него за спиной.

– Я не знаю, что дальше, – признался именитый гость. – Представление достойное, но где распорядитель?

Впрочем, помощь была уже близка.

Подчиняясь тому же неведомому сигналу, оркестр, в четвертый раз исполнявший «Боже, храни короля», внезапно умолк. Представляющая общественность толпа в пестрых одеждах тоже стихла. Морин показалось, что от тишины у нее зазвенело в голове.

Из-за правого каната вынырнул и выпрямился в полный рост молодой человек чуть выше среднего роста, слегка смуглый, темноволосый и поджарый. Твидовый спортивный пиджак, серые фланелевые брюки и строгий темно-синий галстук вполне могли быть куплены на Бонд-стрит. Хотя даже лучший друг не назвал бы его красивым, на худощавом лице читались ум и чувство юмора, которые при исполнении служебных обязанностей ему приходилось прятать за формальной вежливостью. В левой руке молодой человек держал небольшую папку бумаг.

Поклонившись Г. М., он поднял на гостя выразительные карие глаза.

– Сэр Генри, – сказал он по-английски без малейшего намека на иностранный акцент, – позвольте мне первым поприветствовать вас. Я – Альварес, команданте.

(Команданте? В спортивной одежде? Это могло означать

что угодно. Но Г. М. не стал углубляться в эту тему.)

– Сынок, – сказал он, с сомнением подергивая себя за мочку уха, – это все весьма любезно с вашей стороны. Да, в самом деле. Но уверены ли вы, что устроили всю эту иллюминацию в честь того, кто вам нужен? Я лишь добрый старина Герби...

Альварес остановил его легким, едва заметным жестом. Холодно-официальный взгляд команданте скользнул по огромным постерам с приветствиями над зданием аэровокзала.

– Простите, сэр, – произнес он тоном глубочайшего уважения, – не будет ли благоразумнее отказаться сейчас от инкогнито?

– Хм. Что ж, если все считают...

– Сэр Генри! – перебил его новый, теперь уже женский голос.

Какая-то девушка, поднырнув под канат, подбежала к ним, и Морин устремила на нее внимательный взгляд, пряча любопытство под опущенными ресницами. Девушка определенно была британкой, лет двадцати пяти на вид, и настроенной явно дружелюбно. Ее густые, изысканно завитые волосы натурального золотистого цвета были уложены в прическу «паж». Под тонкими, изогнутыми дугой, но не выщипанными бровями сияли синие глаза с тяжелыми веками. Нежная кожа при малейшем напряжении покрывалась румянцем. Незнакомка почти не пользовалась пудрой и губной

помадой, и при этом от нее исходила почти физически ощутимая аура абсолютной женственности. Сама она вряд ли сознавала, какой эффект производит на окружающих, хотя сторонний наблюдатель в этом бы усомнился. Наброшенное на плечи легкое пальто не скрывало, однако, творение ее парижской портнихи, весьма необычное летнее шелковое платье с глубоким вырезом, плотно облегающее восхитительную фигуру. Она была без чулок и в открытых босоножках.

– Прошу простить, – сухо начал Хуан Альварес. – Позвольте представить...

– Пола Бентли, – воскликнула незнакомка, горячо пожимая руку Г. М. – Вас должен был встретить Билл, мой муж, вы с ним знакомы. Но его не отпустил консул, старина Джей. Вы позволите мне его заменить?

– О моя куколка! – воскликнул Г. М., совершенно ошеломленный. Именно такие женщины ему и нравились: чуточку запыхавшиеся, но не слишком скованные.

– Видите ли, – объяснила Пола, – беднягу Билла постоянно посылают, – в ее голосе, когда она заговорила о Билле, зазвучали глубокие нотки искренней любви, – в какие-то ужасные места по всему миру, чтобы он писал отчеты о всякой ерунде: бананах, машинах или о чем-то подобном. Каждый отчет в милю длиной, и старина Джей придирчиво изучает каждое слово. Билл вернулся всего три дня назад, и мы... Я имею в виду... – Пунцовый румянец залил ее щеки, и она замолчала.

– Конечно, моя куколка, – успокоил ее Г. М. – Вам нужно о многом поговорить наедине, вот и все.

– Да... что-то вроде этого. Да. Спасибо. – Удачно замяв неловкую тему, Пола Бентли вдруг заметила Морин, стоящую позади Г. М. – Э-э...

Откинув меховое мантио, Морин опустила ресницы, чуть прикрыв свои зеленые глаза, и, небрежной походкой пройдя к Г. М., нежно завладела его левой рукой.

– Я секретарь сэра Генри, – объявила она красивым голосом рецепционистки.

Воцарилась мертвая тишина. Морин не стала объяснять причины такого внезапного поворота. Возможно, это было и к лучшему.

Лица всех четырех персонажей, задействованных в этой сцене, были достойны последующего изучения.

Г. М., чей бесстрастный лик до сих пор помнят в клубе «Диоген», оставался невозмутимым, как устрица. Команданте Альварес, хотя на его лице не дрогнул ни один мускул, каким-то образом – внушение, телепатия? – передал то, что выражает жест англичанина, который подносит руку ко рту, деликатно кашляет и поднимает брови. В его взгляде читалась злость.

«Я здесь абсолютно ни при чем!» – хотел воскликнуть Г. М., но вовремя сдержался.

Альварес величественно склонил голову в сторону Морин и обнажил в улыбке прекрасные зубы.

– Боюсь, это моя вина, мисс...

– Морин Холмс.

– Это моя вина, мисс Холмс, что мы не были осведомлены о вашем прибытии. От имени... позвольте мне лично вас сердечно поприветствовать. Мы постараемся разместить вас самым удобным образом.

– Конечно постараемся! – воскликнула Пола и, оставив Г. М., шагнула к Морин и протянула ей руку.

– С вашей стороны очень любезно прибыть сюда. Я много слышала о секретарше сэра Генри в Лондоне... По-моему, он называет ее Лоллипоп, но вы, конечно же, из Штатов.

В художественной литературе даже в наше время английскую девушку всегда показывают холодной, надменной и аристократичной, что почти комично противоречит действительности. Американская девушка, с другой стороны, изображается смышленной, хорошенькой и при этом задающей по двадцать вопросов на каждом шагу, что вряд ли соответствовало сдержанной Морин или многим другим ей подобным.

Следует признать, что в самом начале у Морин были весьма мрачные подозрения относительно Полы Бентли. Ей показалось, что блондинка-англичанка демонстрирует чрезмерную сексапильность и излишнюю... ну, вы понимаете. Но ее мнение быстро изменилось. Искренний взгляд синих глаз Полы, дружеская теплота ее рукопожатия растопили ледок в сердце Морин.

– Знаете, я провела шесть месяцев в Нью-Йорке, прежде чем вышла замуж, – призналась Пола. – Вообще-то, моя младшая сестра сейчас учится в Колумбийском университете. Айрис Лейд. Не думаю, что вы с ней знакомы?

– Нет, я училась в Уэлсли. Конечно, это было не вчера.

– Эй! – взревел сэр Генри Мерривейл.

На мгновение воцарилась полная тишина.

– Сэр? – произнес Альварес, возвращаясь в образ сухаря-чиновника.

– Может, мы покончим уже с этим бла-бла-бла и я смогу наконец пройти по вашей красной дорожке?

– Конечно, сэр.

– Я имею в виду, – сказал Г. М. в свойственной ему порой высокомерной манере, – что нам нужно поставить штамп в паспортах и пройти таможенный досмотр. Те пассажиры, которых вы выстроили у самолета, уже с ума сходят, говорю я вам! Они же не могут пройти из-за нас. Не пора ли начинать?

Альварес незаметно щелкнул пальцами. Морин заметила, как от толпы встречающих отделился неприметный мужчина в штатском.

– Что касается паспортов, сэр, – продолжил Альварес, слегка приподняв одно плечо, – я могу поставить штампы для вас и мисс Холмс за одну минуту. Наши друзья-французы, которые контролируют все таможни как здесь, так и в порту, предоставили вам дипломатический иммунитет, и ваш багаж досматриваться не будет. Там, – он кивнул впра-

во, в сторону оркестра, – ждет автомобиль, в котором я буду счастлив доставить вас к месту назначения. Еще один автомобиль, конечно, будет следовать за нами с багажом – вашим и мисс Холмс.

Под впечатлением от этих слов Г. М. задумался.

– Послушайте-ка, дружище, вы уверены, что я тот, кто вам нужен?

– Совершенно уверен, сэр. – Альварес еще раз поклонился. – Вообще-то, нам даже не нужно заходить в здание, разве что...

– Ну же, выкладывайте. Разве что?

– Ну, если вы пройдете к аэровокзалу, где собрались ваши поклонники, то окажете им большую любезность. Кивок, улыбка, возможно, слово ободрения? Поскольку вас так хорошо знают...

– Хорошо знают? Что вы имеете в виду?

Впервые команданте Альварес, казалось, растерялся. Его темные брови сошлись над янтарно-карими глазами. Но замешательство длилось недолго.

– Понял! Так вот. – Он по-военному расправил плечи. – Вы полагаете, что здесь, в Танжере, мы отрезаны от мира? Простите, это не так. Помимо англоязычной «Танжер газетт», у нас есть газеты на испанском, французском и арабском языках. Эти добрые люди следили за вашей карьерой. И не только за вашими захватывающими детективными приключениями. Здесь все знают о вашей способности в неве-

роятных количествах поглощать крепкие напитки, как и вашей увлеченности... э-э... прекрасными дамами. Поверьте мне, сэр, вами здесь восхищаются.

– Но это неправда! – завопил Г. М. – Это все газетная ложь!

Безукоризненно вежливый, Альварес подавил вспышку гнева, просто проигнорировав его слова.

– Мисс Холмс, не будете ли вы так добры подать мне шляпу сэра Генри? Спасибо.

Взяв шляпу, Альварес водрузил ее на голову именитого гостя, лихо сдвинув на ухо.

– Вот так! Если вы, миссис Бентли, возьмете сэра Генри под правую руку, а вы, мисс Холмс, под левую... Пожалуйста, будьте готовы начать движение с первой ноты оркестра. Я последую за вами.

Пола Бентли, хотя и заметно притихла, определенно получала удовольствие от всего происходящего. Морин была не совсем уверена в себе. Но обе сделали так, как им было сказано.

– Отлично! – Альварес смахнул воображаемую пушинку с лацкана твидового пиджака и щелкнул пальцами – сначала направо, потом налево.

– Вперед! – воскликнул он.

Оркестр загремел в полную мощь, публика разразилась восторженными криками. И кровь Мерривейлов взыграла в жилах Г. М. Всю свою жизнь он мечтал, что кто-то расстелет

перед ним красную ковровую дорожку, и теперь мечта стала явью. Величественно выставив живот, он двинулся вперед косолапой походкой, поддерживаемый с обеих сторон двумя хорошенькими девушками. Шествие сопровождалось задорным маршем:

Приходи и строй мне глазки
В старом баре «Бык и Куст».
Приходи – мы выпьем вместе
В старом баре «Бык и Куст».

– Вы только посмотрите на этого молодца, – восторженно крикнул кто-то по-французски. – В Танжер с двумя цыпочками, а-а! Замечательно!

– *Y bellas muchachas con tetas grandes!*³ – добавил другой, для убедительности разведя руки в стороны.

– Аллах! Аллах! Благослови неверующего винопийцу многими сыновьями!

– Вы понимаете, – крикнула Морин Поле, – что нас принимают за наложниц?

– Никогда не была ничьей наложницей, кроме как Билла, – со смехом отозвалась Пола.

Г. М. окончательно потерял голову. Стащив шляпу, он стал размахивать ею, отвечая на приветствия публики. По-французски сэр Генри говорил вполне сносно, если не обра-

³ И красивые девушки с большими сиськами! (исп.)

щать внимания на то, что такие словечки используют парижские таксисты. По-испански он знал всего несколько фраз. Тут стоит вспомнить, что в свое время Г. М. изрядно поднапорел в арабском, хотя большую часть его лексикона составляли слова, не предназначенные для употребления в общественных местах.

Но сейчас сэром Генри овладело вдохновение.

– Khanif!⁴ – взревел оживившийся Г. М., указывая на себя.

В то время как Пола, привстав на цыпочки, старалась удержать на месте его шляпу, Г. М., продолжая указывать на себя, пошел вразнос.

– Ya illaha illa Allah!⁵ – завопил он.

Если бы Г. М. ставил целью добиться популярности, он не смог бы найти способ лучше. У арабов довольно примитивное чувство юмора, и удовольствие они находят в простом употреблении неприличных слов. И когда на них обрушился такой поток непристойностей и мерзких ругательств, что даже команданте Альварес поморщился, толпу сотряс взрыв хохота. Крепкие мужчины, как в традиционной, так и в современной одежде, хохотали до слез. Даже женщины, включая стройных красавиц в длинных серых джилъбабах с капюшоном и кружевных яшмаках отвернулись и беспомощно содрогались от смеха.

⁴ *Ханиф* – здесь: мусульманин, истинно верующий (*араб.*).

⁵ Нет другого Бога, кроме Аллаха! (*араб.*)

Когда неустрашимая троица приблизилась к стеклянным дверям аэровокзала, перед ними замелькали фигуры с фотоаппаратами. В следующий момент две «наложницы» и команданте Альварес втащили повернувшегося к толпе и продолжающего сыпать ругательствами Г. М. в здание. Оркестр заиграл популярную песню из комедийного мюзикла.

– О боже, – прошептала Пола Бентли.

Отдуваясь, она откинула за спину тяжелые золотистые пряди, с любопытством посмотрела на Г. М. и подала ему шляпу, после чего резво побежала к телефону-автомату – позвонить Биллу в британское консульство.

Альварес взял у Морин и Г. М. паспорта и поспешил к большой кабинке с матовым стеклом. Морин и Г. М. стояли в тишине зала, тогда как снаружи все еще доносились веселые звуки оркестра.

Да, сэр Генри определенно всех сразил. Если не у властей, то уж у простого народа он имел успех. Оставалось только ждать, что будет дальше. Г. М. стоял, не снимая шляпы, и с самодовольным видом, казалось, ждал похвалы.

Но похвалы не последовало.

– Сэр Генри, – сказала Морин с тем же выражением сомнения, которое появилось на ее лице некоторое время назад. – Я боюсь.

– Вы боитесь? – удивился Г. М. – Чего же, моя девочка?

– Послушайте, почему вы называете миссис Бентли «моя куколка», а меня – «моя девочка» и «дорогуша»?

– По правде говоря, я и сам не знаю. Хотите, я и вас буду называть «моей куколкой»?

– Нет-нет! Называйте меня так, как вам нравится. Это не важно. Просто вся эта церемония выглядит неправильно. Как в «Алисе в Зазеркалье». Не может же все правительство сойти с ума, даже в Танжере! Подождите-ка! Тут что-то не так. Никто не стал бы устраивать вам торжественный прием только потому, что вы не прочь выпить и приударить за блондинками, разве не так?

Морин сняла меховое мантио и перекинула через руку. Ее гладкие черные волосы, разделенные посередине пробором и стянутые лентами на затылке, придавали ее лицу особую выразительность. Часть помады она незаметно стерла, поскольку Пола Бентли помадой не пользовалась вовсе.

– О, возможно, я ошибаюсь, – призналась Морин. – Но я все же думаю, что здесь кроется какой-то обман и, возможно, опасность. Вы, я и миссис Бентли можем доверять друг другу. Но как насчет этого команданте Альвареса? – Она бросила взгляд налево. Альварес, стоявший у окошка стеклянной кабины, подтянул к себе телефонную трубку, и Морин услышала, как он набирает номер. – Кто он такой? Мы ничего о нем не знаем. Хотя, надо признать, он... довольно милый.

Г. М. искоса взглянул на нее.

– Угу. Для испанца неплох. Волосы не напояжены. Никакой кричащей одежды – как и у меня. Громких речей не произносит, руками не размахивает – как и я. Из хорошей

семьи; вероятно, служил в армии. И что самое приятное, никакого кольца на пальце. Кстати, вам не показалось, что он от вас без ума?

– Какая нелепость!

– Неужели? Вы не очень-то наблюдательны, дорогуша. Его прямо перекосило, когда он решил, что «секретарша» – моя грелка в постели. А когда я употребил несколько старинных арабских выражений, то побледнел и посмотрел на вас, опасаясь, что вы их поймете.

– Но... вы не могли этого видеть! Вы оглянулись всего один раз! Вы не могли этого видеть!

– Не мог, разве? Ну, что взять со старика... – Он вдруг заговорил совсем другим тоном и нацелил на Морин указательный палец: – А теперь я собираюсь задать вам вопрос, и мне нужно знать правду. Почему вы вдруг передумали и решили, что все-таки сыграете роль моей секретарши?

Морин опустила зеленые глаза, которые оживляли ее лицо и порой выдавали ее мысли. В голову ей пришло несколько вариантов ответа, но у «старика» был слишком пронизывающий взгляд.

– Если я расскажу, сэр Генри, вы пообещаете, что не рассердитесь?

– Я? Конечно не рассержусь.

– В общем, – Морин облизнула губы, – сначала я думала, что не смогу. Ну никак. А потом... Послушайте, сэр Генри! Я знаю, что у вас самые лучшие мозги на свете и все такое...

Но иногда вы ведете себя так... по-детски. Я испугалась, что если не присмотрю за вами, то первый же мошенник, которого вы встретите, обведет вас вокруг пальца.

За ее словами последовала тишина. Морин не знала, что сказала то, что говорить не следовало. Однако Г. М. сдержал свой гнев. Он лишь скрестил руки на груди.

– По-детски, да? – пробормотал он, устремив взгляд в угол потолка.

– Пожалуйста! Вы же обещали, что не будете злиться!

– А кто тут злится? – удивился Г. М. – Я размышляю, вот и все. – Он задумался и вздохнул. – Первый мошенник, которого я встречу... Знали бы вы, сколько мошенников я переиграл в их собственных играх. Но я не собираюсь вам этого рассказывать. Я собираюсь вам показать. Я отведу вас...

– И куда же вы ее отведете? – поинтересовалась Пола Бентли, уже успевшая поговорить по телефону.

– Проводите мисс Холмс и всех нас через боковую дверь, – раздался строгий голос команданте Альвареса. – И поторопитесь. Неприятности нам ни к чему.

– О каких неприятностях идет речь? Сынок...

Снаружи, перекрывая звуки оркестра, доносился шум толпы. У входа в вокзал растянулась шеренга полицейских с дубинками наготове.

– Боюсь, сэр, вы вызвали слишком много восторгов, – сухо объяснил Альварес и протянул Г. М. два паспорта со штампами. – Слишком много желающих сорвать с вас одежду,

разорвать ее на кусочки и унести домой как сувениры.

– Вы позаботились о багаже? – спросил Г. М., слегка изменившись в лице. – Тогда почему бы нам действительно не убраться отсюда. И поживее.

Двадцать секунд спустя они уже были снаружи, на каменной площадке, рядом с двумя самыми большими и современными автомобилями «паккард». Чуть поодаль стоял новехонький «бьюик», на заднем сиденье которого восседал пожилой загорелый джентльмен в зеленом тарбуше, символизирующем святое паломничество в Мекку. Сэр Генри с вождением окинул взглядом тарбуш. Морин почти слышала, как щелкают мысли в голове у Г. М. Позади них несколько низкорослых мускулистых арабов укладывали багаж. Ожидавшая увидеть древние колымаги, Морин немало удивилась, но промолчала.

Открыв заднюю дверцу «паккарда», Альварес усадил Полу Бентли, оказавшуюся его давней знакомой, а также устроил там Г. М., но потом, открыв переднюю дверцу, утратил свою непринужденную обходительность и стал вдруг неловким и неуклюжим.

– Мисс Холмс, надеюсь, вы не откажетесь сидеть рядом со мной, когда я буду вести машину?

– С удовольствием, – сдержанно ответила Морин, но и этого было достаточно, чтобы произвести на команданте впечатление.

Захлопнув дверцу, он поспешно обошел машину с другой

стороны и проскользнул за руль.

И тут началось. Почти сразу переключившись на высокую передачу, Альварес направил «паккард» вверх по небольшой насыпи, резко вывернул руль влево и помчался по ухабистой дороге с такой скоростью, что вскоре шум аэропорта остался далеко позади.

Отброшенный на спинку сиденья, Г. М. забарахтался, изрыгая арабские проклятия и пытаясь вернуться в прежнее положение. Пола Бентли, спасая честь, торопливо натянула на колени короткую шелковую юбку и откатилась в сторону. Некоторое время они молча мчались по длинной извилистой дороге под тяжелым пасмурным небом. Г. М. мало чего боялся, но быстрая езда наводила на него ужас (при условии, что за рулем сидел не он, а кто-то другой), поэтому ему стоило больших усилий восстановить дыхание и не удариться в панику, сохранив достоинство. Пола, скрестив колени и накинув на плечи легкий плащ, сидела, выпрямившись, с таким видом, словно езда со скоростью восемьдесят миль в час по неровной, петляющей среди холмов дороге была для нее делом совершенно обычным.

Все эти холмы и ухабы казались ей удручающе непримечательными. Слева от дороги вполне мог быть Дартмур, а справа – Гемпшир, подумала Пола. И тут она услышала, как впереди ахнула Морин. Чуть в стороне от дороги старик в длинной грязной рубахе и широкополой соломенной шляпе распахивал поле, следуя за плугом, который тащила пара во-

лов. Вся эта картина вполне могла служить иллюстрацией к библейским временам.

– Кстати, сынок... – обратился к Альваресу Г. М. Команданте кивнул, но не обернулся. – Кто устроил этот шикарный прием? Султан Марокко?

– Боюсь, сэр, вы не в курсе событий, – сказал Альварес. Сбоку, в зеркале заднего вида, был виден его длинный прямой нос и широкий, но плотно сжатый рот. – Султан Марокко обладает лишь номинальной властью. Танжер – это так называемая международная зона под управлением нескольких стран. Например, глава правительства – голландец.

– Господи, подумать только! И зачем он вам нужен, этот запойный олух?

Небрежно держа правую руку на руле и не отпуская педаль газа, Альварес почти полностью повернулся к Г. М. и посмотрел на него почти с улыбкой.

– Это человек с большими способностями и очень честный. Да, у него есть принципы, которые вы назвали бы пуританскими...

– Танжер – пуританский город?

– Нет, сэр. Определенно нет.

– Ох-хо. Так что?

– Я говорил, что Танжером управляют представители разных стран. Французы, как я имел удовольствие вам сообщить, контролируют таможеню. Бельгийцы контролируют полицию. Испанцы...

– Ради всего святого, смотрите, куда едете!

Небрежно повернувшись, Альварес легким движением руки избежал столкновения с толстой низкой пальмой и вписался в очередной поворот. Благодаря мягкой обивке салона пассажиры не пострадали, но их снова хорошенько тряхнуло.

– Мне не хотелось бы ставить под сомнение ваш рассудок... – сказал Г. М., – но все же скажите: неужели водительские права здесь выдают и таким полоумным, как вы?

– Сэр...

– Нет-нет, смотрите на дорогу!

– Меня считают очень осторожным и рассудительным водителем, – запротестовал Альварес, удивленный несправедливой претензией. – Подождите, сэр Генри, вы еще не видели, как машины выезжают на Плас-де-Франс или носятся по улочкам в районе Гран-Сокко! И каждый водитель держит руку на клаксоне!

– Предвкушаю это удовольствие, – проворчал Г. М. и бросил взгляд в заднее окно. – Этот фургончик с багажом следует за нами. Вы сказали им, что мы едем в отель «Минза»?

– В «Минза»! – воскликнула Пола. – Мы с Биллом тоже живем там! Мы...

– Я не говорил, – медленно произнес Альварес, – что мы едем в «Минза».

В машине воцарилась тишина.

– Если вы помните, – продолжал Альварес, – я сказал, что

отвезу вас к месту назначения.

Глава третья

Некоторое время они слышали только негромкий тигринный рык автомобиля. Морин, смотревшая прямо перед собой с твердым намерением не выказать ни малейшего признака беспокойства, даже если они врежутся в одно из низеньких, сложенных из камней ограждений вдоль дороги, чувствовала, как ее опасения снова набирают силу. Бросив украдкой быстрый взгляд на Альвареса, она увидела, что команданте вцепился обеими руками в руль и стиснул зубы, словно сожалея о сказанном. Старая дорога ныряла и петляла среди высоких темных деревьев, и стрелка спидометра металась около отметки девяносто.

– Послушайте, моя куколка, – сонным голосом заговорил Г. М., что было плохим знаком. – Не могли бы вы поменяться со мной местами?

– Ради бога. Но почему?

Низколетающая пчела врезалась в ветровое стекло. Пола перекинула ноги через колени Г. М., и он протиснулся по подушке влево, за спину водителя.

– Не знаю, слышал ли ты об этом трюке, сынок, – заметил Г. М., – но, находясь на этом месте, я могу свернуть тебе шею быстрее, чем ты поймешь, что случилось.

– Возможно, хотя вряд ли это получится у вас так легко, – бесстрастно ответил Альварес. – К тому же, сэр, если вы на-

падете на водителя, машина потеряет управление. Мисс... То есть пострадаем или погибнем мы все. Поэтому – и только поэтому – я уступаю.

Стрелка спидометра медленно двинулась к семидесяти, опустилась до шестидесяти, а потом упала с пятидесяти до сорока.

В ветровом стекле Пола видела отражение бледного лица Морин. Более эмоциональная, чем Морин, она в меньшей степени ощущала физическую опасность, поскольку часто сталкивалась с ней в Лондоне, где прошло ее детство. Пригладив золотистые волосы, Пола скривила розовые губки, изобразив что-то среднее между любопытством и раздражением.

– Хуан?

– Да? – отозвался Альварес.

– Это глупо, – мягко сказала Пола.

Альварес неопределенно пожал плечами.

– Что ж, если ты не хочешь говорить... Ты ведь исполняешь приказ, верно? Ох, Хуан. Сэр Генри и Морин сделали все, о чем ты просил. – Ее бледное лицо залилось румянцем. – Неужели нельзя им рассказать? Разве это не было бы честно и достойно, по-спортивному?

По какой-то причине последнее выражение задело Альвареса. Он моргнул, посмотрел на Морин, которая по-прежнему смотрела строго перед собой, сбросил скорость и остановился. Поставив машину на ручной тормоз, команданте по-

вернулся к пассажиру на заднем сиденье. Крылья его тонкого носа трепетали от волнения.

– Сэр Генри, позвольте заверить вас – и мисс Холмс – в том, что вас никто не похищает. Никто против вас не злоумышляет, никто не собирается вам досаждать. Если вы и мисс Холмс желаете пройти пешком шесть или семь миль до отеля «Минза» на улице Статю, можете прямо сейчас выйти из машины. Или можете пересест в универсал и ехать дальше с багажом.

Опасность миновала, и Г. М. расслабился.

– Ох, сынок! Я скорее предпочту, чтобы меня похитили, чем пройду хотя бы милю. Что касается универсала, то езда в нем вредна для моей задницы. По правде говоря, мне все равно, куда мы поедem, главное, чтобы я мог отдохнуть. Что скажете, моя милочка?

– Я тоже не возражаю, – бодро откликнулась Морин.

– Подожди-ка, подожди! – встревожился вдруг Г. М. – Надеюсь, этот фокус затеяли не для того, чтобы заставить меня работать на полицию?

– Сэр, – Альварес прочистил горло, – за исключением мелких краж и разбойных нападений, за последние два месяца в городе не было совершено ни одного преступления.

– Ах-ха! – с облегчением выдохнул Г. М. – Это все, что я хотел знать.

– Мы уже почти приехали, – сообщил Альварес. – Это место называется Старая гора. Еще немного, и за первым по-

воротом мы окажемся на Старой горной дороге. Здесь живет много отставников, состоятельных людей, знати. – В его голосе слышалось напряжение. – Я отвезу вас к одному из них – мы будем там через три минуты. Вы поговорите с одним джентльменом – это займет минут десять-двадцать. А потом делайте что хотите.

– Я все еще не понимаю, для чего понадобилось устраивать этот спектакль...

– На то есть причины, сэр. Поверьте мне!

– Все в порядке, сынок, – успокоил его Г. М. – Я люблю поболтать. Может быть, это тот краснощекий голландец с бутылкой шнапса. Поехали.

Альварес, на смуглом лбу которого выступил пот, развернулся к рулю и сорвался с места. Потом, словно вспомнив о чем-то, взглянул на Морин.

– Мисс Холмс, – неловко начал он, – я... то есть меня обвинили в слишком быстрой езде. Невероятно. Вы тоже так думаете?

Морин повернулась и улыбнулась ему. Она все еще не могла решить, нравится он ей или нет.

– Пожалуй... если бы вы могли ехать немного медленнее...

Почти сразу же скорость «паккарда» упала до скорости покалеченной улитки. Пола Бентли, снова сидевшая в углу, скрестив колени и накинув на плечи пальто, озорно подмигнула Г. М. Но великий человек этого не заметил.

Выбранная Альваресом тактика оказалась неудачной. Следовавший за «паккардом» универсал, вероятно не полагаясь на эффективность своих тормозов, вылетел в поле, к счастью не огороженное, и помчался по нему, довольно реалистично изображая взбрыкивающего жеребца на родео. Исполнив далее сумасшедший разворот на двух колесах, фургон вернулся на дорогу, счастливо избежав столкновения с «паккардом».

Г. М. закрыл глаза и ничего не сказал, но потом наклонился и похлопал Альвареса по плечу:

– Сынок, тебе кто-нибудь рассказывал, что есть разница между реактивным самолетом и автобусом, который идет в Кройдон? Понимаешь? Я имею в виду своего рода компромисс?

– Боюсь, сэр, у меня не получится. Мне очень жаль. Либо так, либо никак.

– Что ж, – с невинным видом заметила Пола, – по крайней мере, ваша жена всегда знает, чего от вас ожидать.

– Жена? – воскликнул Альварес. – Какая жена? У меня нет жены.

Так или иначе автомобиль все же катился вперед со скоростью тридцать пять миль в час. Они были уже на Старой горной дороге. Полуденное солнце грело все сильнее. Слева, там, где склон круто поднимался вверх, за густыми деревьями не было видно ни домов, ни вилл; справа лежащий в долине Танжер скрывали негустые, но очень высокие живые

изгороди. И в этой растительности, которая так нравилась Морин, чувствовалась тропическая пышность.

Впереди показалась небольшая розовая мечеть. Никто, кроме Альвареса и Полы, не заметил широкой бреши в живой изгороди, за которой начинался крутой подъем.

Вдавив в пол педаль газа, Альварес резко повернул руль влево. Они проскочили через просвет в живой изгороди, взяли чуть правее и проехали по земляному туннелю, некогда побеленные, а теперь серые каменные стены которого заросли темно-зеленым мхом.

Через какое-то время Альварес повернул вправо и добавил газу. Теперь они мчались по гравийной дороге мимо высокой кирпичной стены. Впереди, на узкой тропе, которая тянулась вдоль дороги, показались два воротных столба.

В глазах сэра Генри они предстали вратами судьбы.

– Послушай, сынок! Ты же не собираешься протискиваться между этими столбами? Ты не сможешь там проехать. Никто не сможет!

Но Альварес справился. На крутом повороте «паккард» занесло, его задняя часть описала дугу, и гравий разлетелся во все стороны. Подъем продолжался, но уже более пологий, грунтовая дорожка, на которой они оказались, мягко огибала участок, засаженный дикой оливой. Отсюда они наконец увидели дом.

Дом диких олив, очень высокий и очень широкий, был сложен из белого обработанного камня, гладкого, как бетон;

на его фоне ярко выделялись ряды окон с деревянными ставнями, выкрашенными в зеленый цвет. В цокольном этаже, который представлял собой что-то вроде подвала, помещались кухня и подсобные помещения. Первый этаж с входной дверью находился над ним. К дому примыкала широкая терраса с мраморной балюстрадой, вдоль которой стояли на некотором расстоянии друг от друга небольшие мраморные нимфы и вазы. Каменная лестница у передней стены вела на верхнюю террасу, под которой был устроен просторный гараж.

Вокруг щебетали птицы. Дом, залитый солнечным светом, казался величественным и в то же время уютным. Хотя он был не очень старый – ему, наверно, было лет сорок, – дом сохранял изящество и колорит своей страны.

Альварес, сбросив скорость, медленно въехал в полутемный гараж и остановился.

– Вот видите? – сказала Пола Бентли. – Я держала рот на замке, поскольку Хуан настоял на полной секретности. Но ни малейшей опасности не было, Морин, иначе я бы все это остановила. Ведь правда не было, сэр Генри?

Сэр Генри, сидевший в углу, сложив на груди руки и наклонив на лоб помятую шляпу, приоткрыл один глаз.

– Не-е-ет, – пророкотал он. – Никакой опасности. Абсолютно. В этой стране все, о чем стоит беспокоиться, – это морг. Кто-нибудь поможет мне выбраться из этой предательской капсулы?

Альварес прыгнул на землю и открыл заднюю дверцу. Из машины вывалилась бесформенная масса, которая тут же приняла облик злобного гоблина. Г. М., сунув руку в карман, достал портсигар, взял одну из своих отвратительных черных сигар, сладострастно понюхал ее, откусил кончик, выплюнул его и закурил. Стоило ему затянуться, как его лицо стало почти человеческим.

– Сэр, не будете ли вы так любезны выслушать инструкции? – нетерпеливо спросил Альварес.

– Почему бы и нет? Я же еще не умер. Хотя, гори оно все огнем, непонятно почему. Как бы то ни было, я жив.

– Там, – Альварес указал на вход в гараж, – вы увидите каменную лестницу, которая ведет на террасу. Поднявшись на террасу, вы найдете...

– Конечно-конечно, голландца, накачавшегося джином «Болс».

– Нет, сэр. Нет! Этот джентльмен не голландец. Он бельгиец.

– Вот как? – В глазах у Г. М. блеснул интерес. – Так-то лучше. Намного, намного лучше!

– Спасибо. Я немного прогуляюсь с дамами, объясню им ситуацию и вернусь.

– Не торопись, сынок. Я сам найду дорогу, – сказал Г. М. и, поправив шляпу, выбрался из гаража, прогулялся вдоль высокой каменной стены, вернулся назад и потащился по ступенькам вверх, попыхивая своей ядовитой сигарой.

Добравшись до террасы, он остановился. Отсюда, с высоты, открывался вид, любоваться которым следовало бы романтичной Морин. Но задержался даже Г. М.

На балюстраде стояла нимфа, облаченная в одеяние из желтых цветов. Сиреневые цветы из мраморной вазы рассыпались по полу. За балюстрадой раскинулся Танжер, уходящий темно-зелеными гребнями к далекому, сияющему голубизной заливу и бурым холмам за ним. Склон был густо усеян домиками с красными крышами, представлявшими-ся отсюда игрушечными, – белыми, желто-коричневыми или розовыми. Единственной чуждой нотой была водонапорная башня, казавшаяся высокой только потому, что стояла на горке. Рядом с ней стройные кирпичные минареты мечетей выглядели карликовыми. Далеко слева над невидимым желтым пляжем возвышались высокие зубчатые стены Касбы, древнего арабского квартала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.